

Заглавие документа	Идея Яна Розвадовского о двусоставности номинативной единицы и топонимика // Актуальныя праблемы паланістыкі-2006 / Рэд. С. Важнік, А. Кожынава; Бел. дзярж. ун-т. – Мінск: Права і эканоміка. – С. 119–131.
Авторы	Копач О.И.
Тема	Языкознание
Дата публикации	2006
Аннотация	Рассматривается идея Яна Розвадовского о членении номинативной единицы, высказанная им в работе « <i>Slowotwórstwo i znaczenie wyrazów. Studium nad ich podstawowymi prawami</i> », и показывается плодотворность ее для содержательного анализа собственных имен. В качестве иллюстративного материала используются имена небольших географических объектов (болот, небольших озер и рек, некоторых неводных объектов) Беларуси, Словакии и США.

Польские лингвисты уделяют много внимания ономастическому сектору языкознания, в т.ч. топонимике. Собственными именами занимались Ян Розвадовский, Ежи Курилович, Витольд Ташицкий, Эва Жательская-Фалешко и др. Особое место в этом ряду занимает Я. Розвадовский. И дело не только в том, что его «посмертная и неоконченная книга “Названия славянских вод” еще долгое время будет основой дальнейших исследований в этой области <ономастике – О.К.>» [15, с. 5]. Идеи, высказанные Я.Розвадовским в теоретическом языкознании, также оказываются весьма интересными и перспективными в применении к топонимному материалу.

Остановимся подробнее на идее Яна Розвадовского о членении номинативной единицы, высказанной им в работе «*Slowotwórstwo i znaczenie wyrazów. Studium nad ich podstawowymi prawami*», и покажем плодотворность ее для содержательного анализа собственных имен. В качестве иллюстративного материала используем имена небольших географических объектов (болот, небольших озер и рек, некоторых неводных объектов) Беларуси, Словакии и США.

Учение о явной и скрытой двукомпонентности знака, разработанное польским языковедом, включает в себя следующие важные моменты:

1. В названии предмета выделяется всегда только одна сторона предмета, одна черта данных представлений... *Выделение этой черты* зависит от сиюминутного взгляда на предмет и *не имеет ничего общего с логическими размышлениями над сущностью предмета и его составляющих частей* <курсив мой – О.К. > [16, с. 22].

Это положение лингвисты легко приспособили к топонимному материалу. Общеизвестна «асемантичность» онимов и, как следствие такого понимания их специфики, важность изучения при их анализе лишь семантики мотивирующей основы.

Если строго придерживаться термина *лексическое значение*, то говорить о том, что значение (семантика) из географических названий «постепенно выветривается» [7, с. 36–45], принципиально невозможно. Топонимы его изначально не имеют. Значение имеют слова, которые являются их мотивирующей основой, а главную идентифицирующую нагрузку несет географический апеллятив (далее – ГА), который соотносит имя объекта с той или иной подсистемой онимов. Скажем, ГА *болото* выявляет основные признаки, отграничивающие данный класс объектов от других классов – рек, озер, прудов и т.д. Дифференцирующий признак выделяет один из случайных признаков, т.к. выделить такой же объект из ряда себе подобных можно

лишь посредством незначительных относительных признаков. Слово *болото, река, озеро* становится излишним в ряду одинаковых объектов и заменяется каким угодно суффиксом из ряда, специализирующегося на названиях единичных объектов.

Учитывая первую часть положения, выдвинутого Я. Розвадовским, топонимисты обычно оставляют без внимания его вторую часть. Отсутствие логики в определении мотивирующего признака не означает отсутствия оной в слове вообще, и в топониме в частности. Большинство исследователей довольствуются выявлением случайных мотивирующих признаков, создают сетки «бессмысленных» семантических моделей, которые могут описать материал, но не объяснить его. Следствием «обесмысливания» работы над структурно-семантическими особенностями собственных имен стало катастрофическое падение интереса к данной проблематике, о чем уже давно говорит Е.Л. Березович [2, с. 37–38].

Выход из этого положения, как нам представляется, можно обнаружить при обращении внимания не столько на формальные особенности онимов, сколько на функционально-когнитивные или, если хотите, логико-гносеологические основания.

2. Языковое название предмета хотя и однородно, но одновременно двучленно [16, с. 25]. ...Наряду с отождествлением мы *одновременно и неотделимо от него* осуществляем различение [16, с. 39].

Наименование однородно в том смысле, что оно называет некий один предмет или одно явление действительности. Вместе с тем деятельность человека, в т.ч. деятельность по производству топонимов, начинается не «с нуля».

Функция топонима – название с целью индивидуализации, дифференциации. В основе классификации микротопонимии, построенной на логико-гносеологических основаниях, лежит не представление о мотивирующей основе и топоформанте (как в структурной лингвистике), а понимание двухчастной структуры познания мира человеком: в акте номинации присутствуют старое и новое, т.е. два компонента. Первый дает отчет об известном, классифицированном качестве, второй отмечает индивидуальный признак. Роль дифференцирующего компонента в большинстве топонимных работ была только вспомогательной (о нем вспоминали только для того, чтобы отделить топоформант от топоосновы), а потому нуждается в реабилитации.

Если апеллятивы, т.е. слова общей лексики, в славянских языках часто определяют свою принадлежность классу слов при помощи суффиксов: *синий, синева* и т.д., которые позволяют не только классифицировать единицы, но и распределить их по позициям в предложении и передать коннотации (*чтец, читака, читатель*), то имена собственные в любом случае играют роль субстантивированного члена предложения [1, с. 17–18], а потому их классифицирующая часть избыточна: ср. *Куцькава балота, Станькава, Юркава*. Это в одинаковой мере приложимо к составным и простым наименованиям. Даже суффикс-дериватор в топонимии часто по аналогии присоединяется к дифференцирующей части, лишь подтверждая субстантивный статус онима. По словам А.М.Селищева, посессивные суффиксы *-ов-, -ин-* в топонимии «применяются и в таких названиях, которые не имели значения принадлежности» [14, с. 73]. Такая же замена по аналогии наблюдается и при обращении к остальным суффиксальным топоформантам. К тому же в славянской топонимии не существует однозначного соответствия аффикса характеру объекта: форманты *-ка, -ица* и др. используются при создании имен любой топонимной подсистемы. Топоним *Каменка*, например, может быть именем реки, озера, болота или иного объекта местности. Формально суффиксальный компонент подтверждает новый топонимный статус единицы, но, с точки зрения содержания, значение форманта-дериватора все-

гда одно и то же – он выражает неоднозначное указание на принадлежность одной из топонимных подсистем. Материально выраженный формант может вообще отсутствовать в названии объекта. Если в старых славянских моделях выбор суффикса еще определялся характером производящего или, позднее, типом номинируемого объекта [5, с. 53], то анализ современного материала свидетельствует, что «как функциональная единица топоним очень незначительно связан с наличием или отсутствием у него форманта» [13, с. 110]. В других топонимических системах видимая однозначность классификатора также не всегда соответствует реальному положению дел: англ. *Dinkins Bay, Greenbriar Pond* (болота); слов. *Dolina, Ćakanský jarok* (реки).

Процесс создания языковых знаков для обозначения единичных объектов **в историческом и онтологическом плане** можно охарактеризовать как движение от атрибутивности к субстанциальности. По свидетельству Ю.А.Карпенко, «появление суффикса *-ка...* связано с процессом развития существительности ранее отприлагательной славянской топонимии» [6, с. 15]: бел. *Журынка, Махаватка*. Но такой ход ничего нам не дает, поскольку описывает состояния языка, но ничего не объясняет.

При подобном ракурсе рассмотрения онимов не учитывается аспект логико-гносеологический, предполагающий наличие дифференциатора и классификатора имени, а также различных типов отношений, которые существуют между ними. Даже в адъективных именах типа *Высокае* (балота), *Dobra* (гіека) классификатор восстанавливается путем соотнесения с родом объекта, тем более что сам Ю.А.Карпенко подчеркивал особенность топонимов, «бывших ранее прилагательными и понимаемых как определения номенклатурных терминов» [6, с. 15].

Итак, в топонимах как функциональных единицах роль дифференцирующего компонента становится ведущей. Не раз отмечалось, что лишь дескриптивная часть играет роль собственного имени [9, с. 4; 12, с. 145]. Но не стоит забывать и о том, что различие мы осуществляем одновременно и неотделимо от отождествления.

Несмотря на первичность признакового компонента для функционирования топонима, не следует забывать, что человек анализирует не признаки объектов, а сами объекты. Не случайно онимы являются субстантивами. В славянской «синтетической» топонимии это хорошо заметно, т.к. субстантиватор здесь обычно сворачивается в аффикс, причем обычно в аффикс, который свидетельствует о принадлежности слова к классу субстантивов. Невелико число адъективных единиц, да и те чаще фиксируются наряду с неэллиптированными топонимными сочетаниями, т.е. ГА подразумевается. Ономастиологи свидетельствуют: путь номинации лежит от описательных конструкций к однословным единицам [3, с. 94; 4, с. 12]. Едва ли номинация объекта сочетанием началась с более абстрактного, чем предмет, признака, тем более что это был признак конкретного объекта. Итак, основываясь на анализе топонимов, можно отметить взаимодействие в именах географических объектов двух категорий – категорий предмета (старое, или тема) и признака (новое, или рема).

При формально-историческом подходе описание движения топонимов от адъективности к субстанциальности не дает объяснения названиям, которые остаются субстантивами как по происхождению, так и по функционированию в качестве топонимов: англ. *the Bog, the Creek*, слов. *Potok*, бел. *Рэчка, Мох*. Примеры демонстрируют способность онимической лексики обходиться без отвлеченного от предмета признака для наделения единичного объекта именем. Группа единиц, которая в своем названии несет лишь указание на вид объекта, невелика, но слова типа англ. *marsh, swamp*, бел. *балота, мох* для обозначения болот, слов. *potok, voda*, бел. *пра-*

ток, рукаў для именованя рек часто сохраняются в именах как номенклатурный термин. Это позволяет отнести их к числу ядерных элементов топонимической системы.

3. Простое суффиксальное образование вывилось из сложного слова, а сложное слово из группы слов [16, с. 32].

Если структурное языковедение ограничивает значимость корневых и аффиксальных морфем [8, с. 157], то логико-гносеологический подход уравнивает их в правах. Это справедливо, ведь роль дифференциатора не всегда играет словообразовательная основа, а семантическая нагрузка номинативных средств может быть неравнозначной. В сфере апеллятивной лексики, к примеру, форманты как изменяют значение производной единицы, так и только уточняют его. В работах, учитывающих психологию человеческой деятельности, возникновение суффиксального типа рассматривается как результат последовательного стяжения сочетания сначала до сложного слова, а затем до однословного конденсата [10, с. 86; 16, с. 32].

Если славянские топонимы демонстрируют незначительную представленность сложных имен, то в английском языке мы обнаруживаем массу сложных собственных имен. Обычно встречаются онимы, в которых произошел семантический сдвиг классифицирующего компонента: англ. *Millpond* 'пруд при мельнице', *Punkhole* 'дыра с гнилыми деревьями', *Middlemoor* 'средняя вересковая пустошь'.

В славянских топонимах суффикс играет роль сжатого до минимума географического термина-субстантиватора [3, с. 94]: бел. *Tańleць, Баравуха*; слов. *Blatina* < *blato* 'грязь', *Brezovec* < *breza* 'береза'. Морфологические средства составляют своеобразие белорусских и словацких собственных имен по сравнению с американскими. Даже синтаксические дериваты и формы, образованные посредством сложения, зачастую дополняются показателями классной принадлежности номинативной единицы: бел. *Слабадское балота* < *Слабада*, слов. *Bukovinský potok* < *Bukovina*.

Подтверждение стяжения обнаруживается и при диахроническом исследовании: «на дотопонимическом этапе существуют только топонимические эквиваленты, т.е. описательные конструкции, предшествующие названию» [4, с. 12]. И хотя в дальнейшем «повторяющиеся психические процессы начинают протекать автоматически» [16, с. 28], само появление словообразовательного средства свидетельствует о расчленении первоначально синкретичного восприятия объекта [11, с. 123]: ср. англ. *the Bog* и *South Bog*; слов. *Potok, Betliarsky potok*; бел. *Мох, Ціханаўскі Мох*.

4. Каждое по-новому воспринятое представление через соотнесение его с прежним или рядом прежних расчленяется [16, с. 40].

При структурно-словообразовательном анализе в качестве базы для создания новых топонимов берется образующая основа. Но обращение к словообразованию в узком смысле (как выявление материально выраженных морфем, создающих новую единицу) не может показать специфику отражения реальности в сознании человека.

Неравнозначность смысла разных морфем заставляет нас обратиться не только к семантике конкретных топонимических основ, но и к логико-гносеологической структуре онима. Критерий ее определения – характер взаимодействия классификатора и дифференциатора номинативной единицы, т.е. категорий предмета и признака. Этот характер различен в разных названиях (англ. *the Creek, Beaver Creek, Jones Beaver Creek*; бел. *Балота, Тураўскае балота, Малое Галынскае балота*; слов. *Rimava, Klenovska Rimava*), поэтому закономерным видится нам выделение особого логико-гносеологического уровня, который противостоит мотивационному и дополняет его.

Этот шаг позволяет увидеть не только факт раздельного существования корневых и служебных морфем, но и отношения, которые существуют между классифи-

катором и дифференциатором топонима на категориальном уровне. Если объект исследования семантики единичных названий микрообъектов представляется как определение отдельных случайных признаков, которые легли в основу онима, то **содержательный анализ топонимии связан с выявлением типов смысловых структур, осуществляющих связь между двумя представлениями об объекте, – старым и нерасчлененным, с одной стороны, и новым, дискретным – с другой.**

В традиционных семантических классификациях гелонимы типа *Big Bear Swamp* (при наличии рядом болота *Bear Swamp*) относятся к числу ономастических гелонимов, созданных при помощи присоединения к производящей основе вторичного атрибута *Big*. Однако такая классификация будет не вполне верной. Имя *Big Bear Swamp* ономастическое только с точки зрения словообразования в узком смысле, взаимодействия лишь языковых знаков. В плане номинативном его следует отнести к единицам, где происходит материализация нового дифференцирующего признака.

С формальной точки зрения имя *Bear Swamp* поликомпонентно, т.к. состоит из двух слов, но по отношению к названию *Big Bear Swamp* он представляет собой неделимый знак, т.к. он уже зафиксирован как особый компонент реальности (тема). Если в имени *Bear Swamp* дифференциатором является название животного, то в топониме *Big Bear Swamp* эту роль играет признак размера, но размера относительно, существующего в связке с другим топонимом. Отличие названий, образованных на этапе поиска вторичных признаков, от группы ономастических имен состоит в том, что в них фиксируется «неодносторонняя семантика»: бел. *Вуглацкае* ‘болото, расположенное возле болота *Вуглата*’; ср. *Вялікае Воўчае* ‘болото, которое находится возле болота *Воўчае* и отличается / отличалось от него большим размером’.

Таким образом, в теоретических работах Яна Розвадовского присутствует ряд идей, которые – несмотря на их очевидную оригинальность и способность к объяснению, а не описанию материала – до сих пор не использовались в полной мере. Применение идеи о явной и скрытой двусоставности номинативной единицы позволяет отметить не только структурные особенности собственных имен, но и их функциональную роль, создать динамическую модель производства топонимов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белецкий А.А. Лексикология и теория языкознания (Ономастика). – Киев, 1972.
2. Березович Е.Л. Русская ономастика на современном этапе: критические заметки // Известия РАН. Сер. лит. и яз. – 2001. – Т.60, № 6. – С. 34–46.
3. Голев Н.Д. Естественная номинация объектов природы собственными и нарицательными именами // Вопросы ономастики. – 1974. – № 8–9. – С. 88–97.
4. Горожанкина Л.В. Проблемы динамики топонимической системы: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Минск, 1979.
5. Карпенко Ю.А. О синхронической топонимике // Принципы топонимики: Сб. ст. – М., 1964. – С. 45–57.
6. Карпенко Ю.А. Топонимия Буковины: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук / АН УССР, Отделение литературы, языка и искусствоведения. – Киев, 1967.
7. Карпенко Ю.А. Топонимы и географические термины (вопросы взаимосвязи) // Местные географические термины: Сб. ст. – М., 1970. – С. 36–45.
8. Касаткин Л.Л., Клобуков Е.В., Лекант П.А. Краткий справочник по современному русскому языку / Под ред. П.А.Леканта. – М., 1995.
9. Копытко В.А. Типология номинации (на примере одного класса антропонимов): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Минск, 1990.

10. Кубрякова Е.С. Части речи в ономасиологическом освещении. М., 1978.
11. Кубрякова Е.С. Части речи с когнитивной точки зрения. – М., 1997.
12. Молчанова О.Т. К семантике имени собственного // Проблемы теории и методики языка: Сб. ст. – Ярославль, 1980. – С. 139–148.
13. Селезнева Л.Б. Структура «географический термин – топоним» в русском языке // Вопросы ономастики.– Свердловск, 1974. – Вып. 8–9. – С . 107–114.
14. Селищев А.М. Из старой и новой топонимии // Избранные труды. – М.: Просвещение, 1968. – С. 45–96.
15. Ташицкий В. Место ономастики среди других гуманитарных наук // Вопросы языкознания. 1961. № 2. – С. 3–11.
16. Rozwadowski J.M. Słowotwórstwo i Znaczenie Wyrazów. Studium nad ich Podstawowymi Prawami (Wortbildung und Wortbedeutung. Heidelberg, 1904) // Wybór pism. T. III. W-wa: Państwowe wydawnictwo naukowe, 1960.